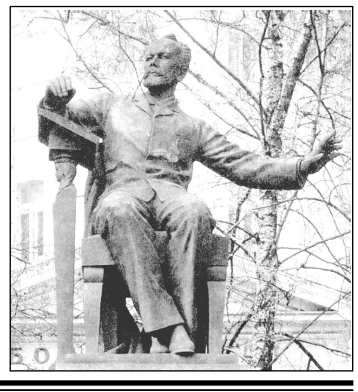
Российский музыкант

№ 7 (1221)
ноябрь
2003
Выходит
с 1938 года

ГАЗЕТА МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ ИМЕНИ П.И.ЧАЙКОВСКОГО



РОДИОН ЩЕДРИН: «КОМПОЗИТОРОМ НУЖНО РОДИТЬСЯ»

Владимир Набоков вряд ли думал, что его «завтрашние облака» со страниц «Дара» приплывут к 21-му классу в Московской Консерватории. Однако в минувшем октябре случилось именно так: состоялась встреча молодых композиторов с Родионом Константиновичем Щедриным.

Тесное пространство газетных колонок, конечно, не может передать атмосферу этого мастер-класса. Но те, кому посчастливилось там побывать, не скоро забудут доброжелательный голос, делавший очень краткие замечания и дававший столь же краткие советы. Здесь – немного понизить тесситуру, тут – чуть-чуть изменить бас... Со стороны кажется, что ничего особенного в этих рекомендациях нет. Но есть особенное в том, что навстречу молодому композитору и его музыке из незаметного угла поднимался мастер и просто делился своими впечатлениями об услышанном.

Автор «Лолиты», «Запечатленного ангела», знаменитых фортепианных концертов мгновенно ориентировался в студенческих партитурах. Стиль этих партитур был самый разный: сцена из оперы по Метерлинку, авангардная композиция, фрагмент концерта для фортепиано... Родион Константинович очень порадовался такому многообразию.

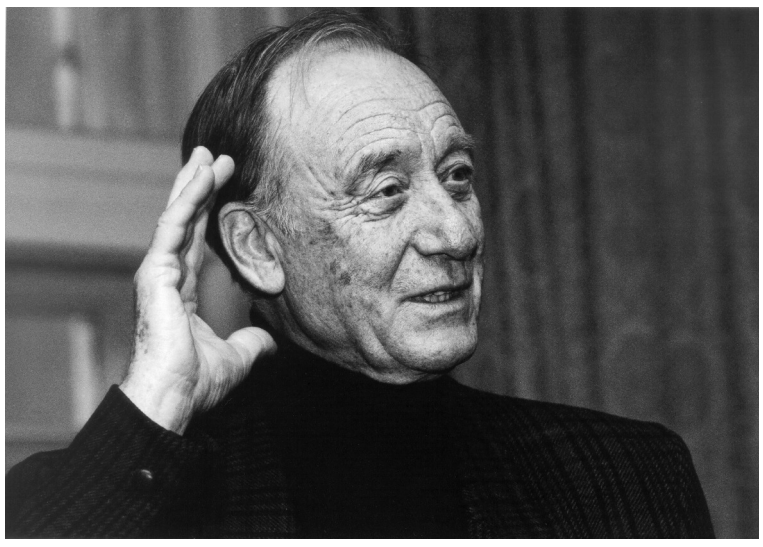
После встречи со студентами мне удалось поговорить с маэстро.

– Родион Константинович, как бы вы оценили сегодняшнюю встречу?

– У меня осталось самое радужное впечатление от встречи с моими коллегами. Все они безусловно талантливые люди. Тенденции, которые я наблюдаю в их музыке, очень меня обнадеживают. Наконец-то стали доверять своей интуиции, своему темпераменту, тому, что заложено природой, у каждого своей, а не стараться угодить педагогу, или товарищу, или критику- музыковеду, просто времени, наконец: одним словом, перестали бояться прослыть отставшим. К счастью, я вижу это не только в Москве, но и в других городах. Такова тенденция во всем мире.

– Родион Константинович, Ваши мастер-классы – это уже, можно сказать, традиция в Консерватории...

– Да, и мне очень приятно, что я имею к Консерватории самое прямое отношение – я ношу титул ее почетного профессора. Поэтому ректорат уже неоднократно обращался ко мне с просьбой встретиться с



молодыми композиторами, послушать их музыку и высказать свое чисто профессиональное мнение... Я надеюсь, что эта традиция будет жить и в дальнейшем.

– Как Вы считаете, чему и в какой степени можно и нужно научить композитора в стенах ВУЗа?

– Я думаю, что научить, как «стать композитором», невозможно. Им нужно родиться. Но зато очень возможно – и просто необходимо – научить быть культурным композитором, то есть, в конце концов, профессионалом. Тем более, если есть желание становиться все более и более оснащенным просто в «технологическом» смысле.

– Если Вы не возражаете, продолжим «профессиональную» тему. На Ваш взгляд, могла бы в наше время появиться традиционная, «бородатая» соната или симфония: в общем, сочинение в очень традиционном жанре?

– Мне думается, они и появляются. Сегодня, например, мы слышали отрывки из оперы и концерта: это все формы «разнаидревнейшие». Я верю, что они никогда себя не изживут. Просто они будут наполняться новым содержанием, новыми индивидуальностями. А сама форма, то, что время уже выбрало и отшлифовало... Нет, она не умрет.

– А один из самых традиционных жанров, опера? Не так давно была поставлена Ваша опера «Лолита». Это огромное сочинение, длящееся около 3-х часов. И тем не менее, будучи весьма современным по языку, оно воспринимается совершенно «на одном дыхании», оперу слушают от начала и до конца... Как Вы здесь решали проблему восприятия современной музыки?

– Я это для себя определяю выражением «драматургия восприятия». Я всегда стараюсь думать о том, как удержать внимание публики, не дать слушателям вспомнить, что им предстоит делать завтра, куда позвонить, куда идти... Такая

цель должна стоять перед каждым композитором. Но у всех по-своему. Если красиво, аудитория это оценит.

– Родион Константинович, после множества разных советов разным участникам сегодняшней встречи, какую бы Вы дали единую рекомендацию молодым композиторам?

– Интересуйтесь, что делают ваши друзья, коллеги, учителя. Это жизненно необходимо. В годы моего студенчества мы были гораздо более любопытными. Мы во все глаза смотрели, что происходит вокруг. А сейчас иногда появляется такая, знаете, тога отшельничества, когда знать не знают и ведать не ведают, что происходит в окружающем мире, не только музыкальном, но и политическом, и в экономическом. На самом деле это всегда притворство. Я думаю, с этой тогой пора расставаться...

– ...и выходить в мир. А одним из первых, кого композитор встречает в мире, оказывается музыкальный критик. Как Вы считаете, какую роль критика играет в судьбе произведений и их авторов?

– У нас в России эта профессия, по существу, еще только начинается после тех «критик», которые опускались сверху. Нам тогда очень просто объясняли, что такое хорошо и что такое плохо. А на Западе это очень «сильнодействующее» средство. Можно кого угодно вознести и уничтожить.

Представьте, если «Зюддойче цайтунг» или «Файненшл Таймс» публикуют ругательную или, наоборот, хвалебную рецензию! Это очень действует на умы... Но ведь критики так часто ошибались! После премьеры «Евгения Онегина» Чайковского просто «изругали в пух и прах», не было ни одного доброго слова... Вспомните Кюи, от которого всем доставалось, а сам он писал очень скучную и среднюю музыку...

– В судьбе Ваших произведений было ли такое критическое выступление, которое Вам запомнилось и как-нибудь повлияло на Ваше дальнейшее творчество?

– Повлиять, слава Богу, не повлияло. Но со мной бывали всякие приключения. Некогда меня прославляли до небес и, по-моему, не очень справедливо. Или наоборот, смешивали с дорожной пылью. Тоже, мне кажется, несправедливо, тем более, если публика и оркестр принимали сочинение хорошо. Все-таки, во мне, видимо, есть какая-то «сопротивляемость». Я больше верю в то, как слушает зал, как играют и поют исполнители. Эти показатели гораздо надежнее для композитора.

– А если говорить о композиторах, которые намеренно эпатировали слушателей,например, о Кейдже? Можно ли его вообще назвать композитором?

– У него есть целый ряд сочинений, я бы сказал, примитивистского толка. Это все было занятно. Но эмоционально это меня никогда не трогало, а я считаю, что музыка должна затронуть душевный мир человека.

– Кажется, сейчас вообще стоит вопрос, где кончается музыка и начинается «не-музыка»...

– Мне кажется, этой границы просто нет. Все смешалось в доме Облонских! Ведь в наши дни есть много весьма известных и почитаемых людей, которые величают себя «композиторами». Но ведь это то же самое, что говорить: «Я писатель!» и не знать, сколько букв в алфавите! А они не знают элементарной нотной грамоты: на какой линейке нота «до»!..

– Так куда же сейчас «смотрит» вектор современной музыки?

– А смотрит он, по-моему, как раз на те сочинения молодых композиторов, которые мне довелось послушать в Московской консерватории. Наконец-то люди стали верить себе и Господу Богу, который их сделал именно такими, а не другими, слушаться своего внутреннего голоса, а не бежать за трамваем моды и стараться впрыгнуть в последнюю дверь...

Беседу вел Дмитрий Ушаков, студент V курса

Фото А.Александрова

БЫЛОЕ

ЗАБЫТАЯ ДИВИЗИЯ

Эта история случилась осенью 1941 года, в первые месяцы Великой Отечественной войны. Тогда во всех районах Москвы формировались добровольческие дивизии, в том числе Восьмая стрелковая дивизия народного ополчения Краснопресненского района. Ее костяк составили те, кого в нашей принято стране относить к творческой интеллигенции – студенты и преподаватели Московской консерватории и МГУ. Из консерватории ушли добровольцами свыше 120 человек. Музыканты на ходу обучались стрелять из винтовок, которых, к тому же, всем не хватало, но многие даже не успели сделать и одного выстрела...

Этой дивизии, увы, не суждено было увидеть Великой победы 1945 года. Она просуществовала всего один день, сумев хоть и ненадолго, но задержать наступление немецкой армии. Теперь о подвиге и героизме ее бойцов напоминают памятные обелиски на месте битвы и гибели молодых солдат, да рассказы немногих уцелевших участников.

Спустя более шестидесяти лет со времен тех событий, 11 октября 2003 года, несколько ветеранов, съемочная группа телевизионной передачи «Забытый полк» и ее ведущий, журналист Евгений Кириченко, представители Управы Пресненского района Москвы отправились на места боев Восьмой Краснопресненской дивизии в Смоленскую область. В эту поездку они пригласили также консерваторцев – первокурсников дирижерско-хорового факультета Игоря Мячина, Машу Самоловцеву, Таню Федяеву, флейтистов Павла Студенникова (II курс), Антона Паисова (III курс), выпускницу 2003 года Наталью Филатову и автора этих строк.

Каждый из нас ехал со своими представлениями о войне. Для нашего поколения это очень далекое прошлое из учебников и фильмов. Но история живет, пока люди, которые видели войну своими глазами, есть рядом с нами, пока наши родители, бабушки и дедушки хранят в памяти события тех лет и передают их нам.

Познакомились с очевидцами, ветеранами войны мы уже в автобусе, где мне, почти ничего не знавшему о подвиге наших сверстников, и моим коллегам из консерватории старики рассказывали про те страшные дни. Осенний дождь стучал в окна автобуса, леса и поля, мимо которых мы проносились, сливались со струями дождя. Сама природа словно погружала нас в атмосферу октября 1941 года.

Евгений Кириченко готовился снимать фильм про Краснопресненскую дивизию. Обращение к этой странице военной истории было неслучайным. Сюжет о Восьмой Краснопресненской дивизии был первым в цикле телевизионных передач «Забытый полк», до недавнего времени существовавшем на НТВ и ТВ-6. Сейчас, когда передача уже не выходит, Кириченко задумал полнометражный документальный фильм о мужестве, героизме и стойкости этой необычной дивизии.

Мы сразу же попали под обаяние настоящего, честного журналиста, искренне думающего и говорящего. Уже в автобусе он обрисовал свой план работы. От нас требовалось спеть и сыграть то, что, возможно, могли бы перед смертью исполнить наши сверстники, ставшие солдатами-добровольцами; почувствовать то, что могли чувствовать они, держа в руках винтовки, вместо привычных им инструментов. И, возможно, понять, о чем в самую трудную минуту своей жизни они могли думать и мечтать.

Воспоминания о тех трагических днях смешиваются с не менее драматическими событиями нашего времени. По дороге встречаемся с колонной бездомных смоленских офицеров, идущих просить квартиры у правительства России. Забегая вперед, скажу: на следующий день, на обратном пути мы вновь увидим их на 50 километров ближе к Москве. Невольно приходит в голову мысль: за это ли «счастливое будущее» отдавали жизни наши деды?

...И вот мы уже на Смоленщине: Вязьма, Сафоново, Дорогобуж, Ельня — памятные места боев. Еще немного и мы проезжаем деревню Костюки, где установлен памятный знак: здесь шел ожесточенный бой с врагом. Под аккомпанемент холодного ветра ребята с первого курса дирижерско-хорового факультета поют знаменитую песню «Бьется в тесной печурке огонь». Простая, такая родная и знакомая мелодия, пробуждает в душе чувство признательности к людям, благодаря которым мы можем жить в своей стране и заниматься любимым делом. После съемок отправляемся дальше, к месту захоронения бойцов дивизии, возле деревни Уварово на реке Угра.

Здесь мы, четыре флейтиста, под пронизывающим холодным ветром исполняем Арию из Третьей оркестровой сюиты Баха. Недостаток освещения восполняет свет фар подъехавшей машины. Зажигаются свечи, ветераны возлагают цветы на братскую могилу, где похоронено свыше 1400 человек. Все забывают о времени и только, когда совсем темнеет, мы отправляемся на ночевку в военный городок под Ельней.

О городке хочется сказать особо. Он появился совсем недавно, в 1996 году, как «микрорайон Кутузовский» города Ельня. И это совершенно удивительно для нашего времени. Офицеры и их семьи получили комфортабельные квартиры, а в городке сложилась вся необходимая инфраструктура: от магазинов и спортзалов, до школ и яслей. Все дома выглядят опрятно, радуют глаз. И хотя сейчас это уже не военный городок в привычном смысле слова (дивизия уже расформирована), все же, по сути своей, он остался именно военным городом – с контрольно-пропускным пунктом и прочими военными атрибутами.

Армейская столовая для всех нас в новинку. Из столовых приборов только ложки, а вся посуда из алюминия. Ложка – универсальный предмет, который служит нам вилкой и ножом. Скромный ужин. Спать идем в санчасть, больше похожую на гостиницу. Еще долго продолжаем переживать все, что видели. Делимся впечатлениями и, конечно, поем. Засыпаем уже за полночь.

Утром, после завтрака отправляемся в обратный путь и ненадолго заезжаем в Бородино на театрализованное представление сражения с немцами. Вновь разговариваем с ветеранами и устраиваем импровизированный концерт.

Неожиданно начинается гроза и, перенося нас в сегодняшний день, торопит под крышу автобуса. Уставшие, но очень довольные поездкой, мы возвращаемся в Москву, преисполненные гордости за то, что нам удалось перенестись ненадолго в совершенно другой мир, в котором мы смогли соприкоснуться с частицей нашей великой истории.

Святослав Голубенко,
ассистент-стажер

На снимке: у памятника бойцам Восьмой Краснопресненской дивизии

ВЕЧЕРА В МУЗЕЕ

ИЗ ГЛУБИНЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

В Овальном зале Музея им. А.Г.Рубинштейна состоялся концерт из произведений русских композиторов начала XX века, выпускников Московской и Петербургской консерваторий, прозвучавших в исполнении студентов и выпускников МГК. Уникальная программа, составленная композитором А.Ровнером, включила малознакомые широкой публике сочинения популярных авторов, таких как А.Скрябин и С.Прокофьев, а также менее известных имен, незаслуженно забытых или только недавно возрожденных после долгих лет забвения.

Прошедший концерт стал еще одним событием в череде мероприятий, посвященных отмечаемым юбилейным датам: в 2002 и 2006 годах празднуется 140-летие со дня основания, соответственно, Петербургской и Московской консерваторий. На протяжении всего этого времени неизменно высоким оставался творческий потенциал обеих школ, достоинство и мастерство деятелей которых в полной мере смогли оценить слушатели.

Мария Маргорина и Татьяна Лелякова

В проникновенном и художественно совершенном исполнении *Марии Маргориной* (скрипка), *Ольги Галочкиной* (виолончель), *Марии Паршиной* (фортепиано) и *Татьяны Леляковой* (фортепиано) прозвучали «Танец белых дев» для виолончели и фортепиано и Прелюдии № 14 и 15 для скрипки и фортепиано Н.Рославца. Композитор-новатор, создавший свою систему организации звуковых комплексов, был знаком с художниками общества «Бубновый валет», а также В.Маяковским, который вспомнил его в эпиграмме: «Сколько лет росла овца, и не слыхала про Рославца». Оригинально был исполнен Татьяной Леляковой фортепианный цикл «Рояль в детской» А.Лурье, отражающий детское мировосприятие и посвященный дочери композитора Анночке, названной в честь Анны Ахматовой. Пять прелюдий ор.74 А.Скрябина пленили публику утонченно экзальтированной, необыкновенной звучностью. «Легенда» А.Мосолова для виолончели и фортепиано, «Романс» и «Сюита в старинном стиле» для скрипки и фортепиано А. Авраамова, проникнутые романтическим мировосприятием, в свете всего творчества этих композиторов-экспериментаторов воспринимаются как ностальгический взгляд на идеалы и загадочные образы безвозвратно ушедшего Серебряного века. Фортепианная пьеса «Черный свет» Ф.Гартмана, исполненная *Игорем Гольденбергом*, по стилю сходна с американскими народными песнопениями -спиричуэлсами. Каждой из трех частей этого произведения предпослана программа из словесных преамбул, содержание которых представляет собой по-детски наивную сказочку о бедном умершем негре, который попал в рай и кружится в ослепительном хороводе с ангелами.

Во втором отделении концерта прозвучали вокальные сочинения С.Прокофьева в исполнении *Елены Либеровой* (сопрано) и *Сергея Кондакова* (фортепиано): «Пять песен без слов», первый в истории целостный цикл концертных вокализов, и вокальная сказка «Гадкий утенок», написанная на прозаический текст сказки Г.Х.Андерсена, в которой певица эмоционально-открыто, мастерски обыграла каждую реплику.

Подобного рода концерты чрезвычайно важны: Звучит новая для нас музыка, возрождаются из забвения имена интересных композиторов, русская культура вспоминает образы Серебряного века, отмечая юбилеи двух лучших музыкальных вузов мира.

Елена Колокольникова,
студентка III курса

ИМЕНА

«AMERICAN RECORD GUIDE»
О ВСТРЕЧЕ С ПРОФЕССОРОМ ДОРЕНСКИМ

Когда я узнал, что Сергей Доренский приглашен в Цинциннати в качестве члена жюри Всемирного конкурса пианистов, я счел себя просто обязанным встретиться с ним. Мы отужинали вместе, я наблюдал его мастер-класс с пятью или шестью конкурсантами и, наконец, мы беседовали один на один в его отеле.

Мистер Доренский долгие годы являлся главой фортепианного факультета Московской консерватории – величайшей и несравненной в мире школы пианизма. Уже одно это было достаточным основанием для разговора. Кроме того, я знаком с его игрой в записи на пластинки, и поэтому тоже хотел встретиться с ним, в надежде услышать, является ли он все еще большим пианистом. Прежде всего, отвечу на этот вопрос: да, он остается таковым. Во время мастер класса он неоднократно садился за рояль и играл продолжительные фрагменты, даже целые части произведений. Это были незабываемые мгновения для всех, кто при этом присутствовал. Он оставил публичную концертную деятельность лет десять назад из-за проблем с сердцем (ему сейчас пошел уже восьмой десяток); поэтому то, что слышали мы, это максимум того, что можно услышать в его исполнении сейчас. Что за певучая игра! Что за элегантная фразировка и эмоциональная искренность! Как мало пианистов, способных так общаться с публикой, способных столь многое передать ей!

Первой, принявшей участие в мастер-классе, была Анжела Пак, замечательная канадская пианистка с прекрасным звуком и достаточно отточенной игрой. Ее медленные фрагменты были особенно полны чувства, но м-р Доренский сделал несколько замечаний, чтобы помочь ей в быстрых частях чудесной бетховенской Сонаты № 13.

Последняя фортепианная соната Бетховена показалась едва ли самым мудрым выбором для тинэйджера, который был следующим. Его пальцы справлялись с технической стороной достаточно неплохо. Доренский сыграл для него обе части и множество отрывков – все по памяти. Он выглядел строгим школьным учителем для этого мальчика, которому нелегко далось освоение новой аппликатуры, призванной улучшить его артикуляцию. И педагог настаивал, чтобы пианист играл в темпе, не противореча пульсу этой музыки.

Для занятий с каждым пианистом он находил разный подход, словно приспосабливая себя к их потребностям. И он настаивал, чтобы все играли Бетховена. Когда с юношей из Румынии он работал над Патетической сонатой, мы находились под впечатлением исполнения Доренским всей второй части. Я также заметил: он прекрасно помнил, что каждый из этих студентов делал, и мог в точности воспроизвести их игру, как имитатор. Это привнесло в класс атмосферу юмора, как, впрочем, и по-утиному квакающий звук педалей одного из роялей. Поначалу это развеселило Доренского, но потом он перестал пользоваться этим инструментом.

В этом году конкурсантов было 200. Сергей Доренский и сам выиграл несколько конкурсов еще в 50-х годах. К сегодняшнему дню уже 96 его воспитанников завоевывали премии на конкурсах, 27 из них – первые! Один из его любимцев – Николай Луганский – в декабре дает концерт в Нью-Йоркском музее Метрополитен.

Как педагог русской школы (он ученик Григория Гинзбурга), Доренский обращает особое внимание на физическую сторону игры. «Чувство времени и звук – это все», – говорит он. Подтверждение этому можно услышать в его собственной игре: содержательная фразировка и красивый звук присутствуют всегда. Он хочет, чтобы фразировка передавала эмоцию, теплоту, но в то же время считает игру на фортепиано физической работой, которая с большой силой проявляется в телодвижениях, в пальцах и переходит в работу мысли и воображения. Без способности вообразить красивый звук пианист никогда не достигнет цели. Но он так же не добьется цели, если окажется физически не способен услышать разницу или отобразить ее. Художественное чутье и чувство звука являются врожденными, но если кто-либо обладает этими качествами, они могут культивироваться, быть развиты. Однако харизма – это тайна, и некоторые музыканты просто наделены ею.

Московская консерватория только вершина большой пирамиды –системы музыкального образования в России. В стране более 5000 музыкальных школ. Эти музыкальные школы все еще выпускают лучших пианистов в мире. Ничто из того, что мистер Доренский видел в других странах, не может сравниться, по его мнению, с музыкальным образованием в России. Одна из традиций заключается в том, что большие пианисты почти всегда также преподают. Преподавание пользуется огромным уважением. Обучение в больших консерваториях, подобно Московской, бесплатно для граждан России: русские все еще верят в полезность инвестирования в будущее своей культуры. Американец должен платить за обучение, но это все же будет примерно четверть того, что ему пришлось бы заплатить, скажем, в Джульярде, где образование будет значительно хуже. Русские верили в культуру; когда у них было мало свободы и много печали, они все еще обладают великой культурой, которая помогала им преодолеть все это.

Я спросил Доренского, как он пережил коммунистическую эпоху. Он ответил, что кланялся и ломал себя, как и все остальные, он ненавидел это, но делал это. Он даже был членом партии. Но он рад, что эта эпоха кончилась. Он сказал то же самое, что говорили мне многие русские: если бы не было коммунизма, Россия сейчас не уступала бы нам во всех отношениях. До коммунистического правления обе страны развивались во многом сходно, как и предвидел Токвиль еще в далеких 1830 годах.

Беседа с Сергеем Доренским всегда стимулирует воображение: он знает так много о необычайно широком спектре вещей. Он может обсуждать спорт, американскую историю и литературу, чай, пищу, политическую философию – это только немногие темы, которых мы с ним касались в разговорах. Ничто человеческое ему не чуждо, и он проявляет интеллигентность и рассудительность во всем. Все мы нашли его изумительным собеседником, равно как и большим художником и педагогом.

Дональд Фроун

КОНЦЕРТЫ

ПОСВЯЩЕНИЕ ДЕ ГРИНЬИ

В Малом зале консерватории состоялся необычный классный вечер. Органный класс доцента Московской консерватории Д. В. Дианова представил публике Органную мессу Николя де Гриньи (1672–1703) — композитора, имя которого мало что говорит сегодня даже музыкантам с высшим образованием. Тем не менее, сам факт этого концерта значителен по нескольким причинам.

Первая причина — обращение к личности французского композитора эпохи Людовика XIV (концерт был назван «Посвящение творчеству Николя де Гриньи» и приурочен к 300-летию со дня смерти композитора). Церковный органист, который при жизни выпустил всего один сборник — «Первую органную книгу» (1699), содержащую версии мессы и пяти гимнов, — в свое время был не менее известен, чем Франсуа Куперен. Его «Органная книга» многократно переписывалась, а через 8 лет после смерти автора была переиздана. О композиторском масштабе де Гриньи говорит тот факт, что в 1703 г. ее собственноручно скопировал И. С. Бах.

Вторая — исполнение мессы целиком, кажется, впервые в отечественной истории. Вечер не был громко назван российской премьерой, однако присутствовавшие на нем органисты не могли не отметить, что раньше фрагменты мессы входили лишь в репертуар С. Л. Дижура, который и познакомил нашу публику с именем де Гриньи. На концерте это сочинение исполняли Д. В. Дианов, О. Кошкина, А. Суслова, О. Бочихина (все — студентки класса Д. В. Дианова) и ассистент-стажер Ю. Михайлова (руководитель — проф. Н. Н. Гуреева).

Третья причина — возрождение традиции совместного музицирования учителя и учеников. Д. В. Дианов участвовал в исполнении наравне со студентами и аспирантами. Ныне такая традиция поддерживается немногими преподавателями консерватории (среди них назову профессоров Э. Д. Грача. Д. Н. Сахарова. А. А. Паршина), тем более на классных вечерах, которые давно уже превратились в смотры студенческих сил, демонстрацию прежде всего педагогического, а не исполнительского мастерства наставников. Играть в одном концерте со своими учениками — отнюдь не простая задача, требующая от педагога и особого такта, и состояния духовного водительства.

Д. В. Дианов, открывший концерт, задал тон всем выступавшим внутренней собранностью, высоким духом служения исполняемой музыке.

Четвертая причина значительности и даже знаменательности концерта, причина, которую следовало бы поставить на первое место: построение программы классного вечера исходя из главенствующей идеи, а не из возможностей и репертуара учеников. Монографические программы для классных вечеров редкость, а уж классных вечеров, посвященных, по сути дела, одному произведению, мне вообще не доводилось слышать. Идея подобного классного вечера сравнима с некоторыми кафедральными проектами, но своей смелости превосходит, например, баховские программы: целый концерт отдан творчеству неизвестного и нерепертуарного композитора.

Просветительскую миссию несло и само посвящение де Гриньи, и вступительное слово, и обширный письменный вкладыш к программке, повествующий о французской музыке XVII века и истории органной мессы.

Несмотря на монографическую идею, программа концерта не ограничивалась сочинениями де Гриньи. Их обрамляли произведения руководителя класса, работающего также на кафедре композиции, специалиста в области органного письма Д. В. Дианова: фрагменты из Первой органной книги (1999) и блестящий концертный Мюзет, написанные под впечатлением музыки французского мастера. Сочинения Дианова с удивительной достоверностью воспроизводят не просто формы и технику композиции, а стиль и сам дух музицирования далекой эпохи. Они органично вписались в программу, явившись настоящим музыкальным приношением Николя де Гриньи.

Первый классный вечер доцента кафедры органа и клавесина Д. В. Дианова не просто прошел удачно, а стал событием в музыкальной жизни консерватории и органной жизни Москвы. Он показал, что он за недолгие годы работы Дмитрий Валентинович воспитал преданных своему делу учеников, тонко чувствующих стиль (особенно хочется отметить студентку композиторского факультета О. Кошкину) и знающих непростые правила исполнения французской музыки. Хочется верить, что задумка Д. В. Дианова и его учеников откроет новую страницу в практике проведения классных вечеров и внесет свежую струю в работу концертного отдела консерватории.

Преподаватель
Мария Распутина

IN MEMORIAM

ЧУДО-КОНТРАБАС ИОСИФА ГЕРТОВИЧА

Иосиф Францевич Гертович (1887–1953), заслуженный артист Российской Федерации, концертмейстер-солист оркестра Большого театра СССР (1910–1953), профессор Московской консерватории (1922–1953) — первый выдающийся контрабасист-концертант послереволюционной России.

Первые его шаги в музыке связаны со скрипкой, но в 1902 году он начинает карьеру контрабасиста и посвящает этому инструменту всю последующую жизнь.

Блестящий виртуоз, Гертович равно ярко проявил себя как высоко профессиональный оркестрант и камерный исполнитель, как солист-концертант. Исполнительское искусство Гертовича отличалось не только блистательным мастерством, но и большой эмоциональной выразительностью и подлинным артистизмом. Для тех, кто слушал исполнение этого выдающегося музыканта, навсегда запомнилось благородное изящество трактовки и самой исполнительской манеры Иосифа Францевича. Мало к кому из музыкантов слово «Артист» могло относиться в такой высокой мере, как к Гертовичу. Благородная манера звукоизвлечения, скрипичное изящество штрихов (Гертович играл смычком с низкой колодкой, «французским»), точная интонация, продуманная фразировка, наконец, то неуловимое качество, которое можно определить как способность артиста устанавливать тесный творческий контакт с аудиторией, — вот основные черты Гертовича-солиста. Высокое искусство артиста превратило контрабас в его руках в «большую скрипку».

В течение 30 лет контрабас Гертовича звучал в лучших залах Москвы — Большом и Малом залах Московской консерватории, в Бетховенском зале Большого театра, а также в залах Ленинграда и Тбилиси. Репертуар контрабасистов в то время был крайне ограниченным, сегодняшний его масштаб музыканту мог только грезиться. Программы с немногочисленными произведениями для контрабаса Гертович дополнял своими переложениями скрипичной музыки. Наряду с «Большим дуэтом» (со скрипкой) Д.Боттезини, «Арией» для баса и контрабаса Моцарта, «Концертом» для контрабаса С.Кусевицкого в его выступлениях звучали: «Соната №4» для скрипки Моцарта, «Соната» Ц.Франка, «Пассакалия» Генделя-Хальворсена, многие скрипичные пьесы. Нередко музыкант играл и свои собственные произведения.

И.Ф.Гертович с коллегами и учениками

Выступления артиста с оркестром Большого театра СССР к Большом зале Московской консерватории становились значительными событиями музыкальной жкзни столицы, в этих концертах он играл свои любимые произведения: «Концерт» С.Кусевицкого и «Канцонетту» из скрипичного концерта П. И. Чайковского.

Превосходный ансамблист, Гертович много сил отдавал камерному музицированию. Кажется, весь доступный в то время ансамблевый репертуар с контрабасом был сыгран музыкантом. его партнерами по ансамблям были выдающиеся отечественные артисты: пианисты К.Игумнов, А.Гольденвейзер, Г. Нейгауз, Л.Оборин, Э. Гилельс, скрипачи Л.Цейтлин, Д.Ойстрах, Д.Цыганов, солист ГАБТа Иван Петров. Он выступал с квартетами имени Бетховена, имени Комитаса, квартетом Большого театра, в ансамбле старинной музыки. И именно Гертович стал участником премьеры в Москве, в 1927 году труднейшего Квинтета С. Прокофьева.

В оркестре Гертович сразу и безоговорочно занял положение лидера контрабасистов. Возглавляя группу контрабасов оркестра Большого театра в течение тридцати лет, он также выполнял обязанности концертмейстера групп в Персимфансе (Первом симфоническом ансамбле – оркестр без дирижера), а затем и Государственного симфонического оркестра СССР. О достоинствах Гертовича-оркестранта лучше всего скажут факты его жизни. Сергей Кусевицкий, возглавив в США Бостонский оркестр, не раз в письмах сожалел, что в его «самом лучшем симфоническом оркестре» не достает «самого лучшего контрабасиста Гертовича». Во время записи музыки С.Прокофьева к к/ф "Иван Грозный" в 1945 году, только Гертович смог записать знаменитое соло контрабаса в сцене «Иван умоляет бояр». Дмитрий Шостакович после премьеры в Куйбышеве, в 1942 году Седьмой симфонии адресовал Гертовичу теплые и искренне восторженные слова: «И.Ф. Гертовичу на память о совместной работе. Примите и мою горячую любовь к Вам за то исключительное Ваше искусство, которое доставило мне столько радости». Педагогическая деятельность Гертовича — яркая страница в истории классов контрабаса Московской консерватории. Многие его ученики достойно представляли школу профессора в оркестрах Москвы. Среди них были лидеры групп контрабасов (М.Штейнке, А.Астахов) и талантливые солисты (В.Вашенцева).

Гертович-солист — сегодня легенда. Сохранился единственный свидетель его исполнительского искусства — старенькая, 1952 года пластинка с записью двух небольших пьес — «Адажио» неизвестного автора XVII века и «Мелодия в старинном стиле» Габриэль-Мари. Но эта несовершенная по нашим представлениям запись дает возможность оценить выдающееся искусство контрабасиста.

Профессор Лев Раков

КОНФЕРЕНЦИИ

ГРИГОРИЮ ГИНЗБУРГУ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Уфа стала первым из российских городов, в котором прошли юбилейные торжества, посвященные 100-летию со дня рождения выдающегося пианиста и педагога, лауреата I Международного конкурса им. Ф. Шопена в Варшаве, «поэта пианистического мастерства» (по меткому определению Г.М.Когана) Григория Романовича Гинзбурга.

На базе Уфимской государственной академии искусств состоялась научно-практическая конференция «Г. Р. Гинзбург и пути развития московского пианизма в XX веке» с участием воспитанника Гинзбурга, профессора Московской консерватории С. Л. Доренского. (Примечательно, что специальным решением Ученого Совета Академии Сергею Леонидовичу было присвоено звание первого почетного профессора УГАИ, церемония вручения которого состоялась в Концертном зале им. Ф. И. Шаляпина).

Теоретическая часть конференции состояла из ряда докладов, посвященных анализу и осмыслению традиций и новаций московского пианизма, творческой деятельности его крупнейших, знаковых фигур, а также формированию и развитию школы Гинзбурга в контексте современных тенденций фортепианного искусства.

В рамках конференции состоялись также мастер-классы С. Л. Доренского и три концерта, героиней двух из которых стала Екатерина Мечетина (концерт соло и выступление с Национальным симфоническим оркестром республики Башкортостан). Третий концерт, подготовленный силами класса доцента Р. Р. Шайхутдинова представил уникальную, никогда ранее не исполнявшуюся программу: «Все фортепианные транскрипции Г. Р. Гинзбурга». Прозвучали концертные обработки произведений Грига, Крейслера, Ракова, Ружицкого, Россини.

Концерт, горячо воспринятый аудиторией, со всей очевидностью продемонстрировал высокий художественный уровень гинзбурговских транскрипций, их яркую виртуозность и блеск, что подтверждает давно назревшую необходимость опубликования данных сочинений Гинзбурга.

Хотелось бы надеяться, что почин Уфы будет подхвачен другими вузами и пианистическая молодежь обратиться к исполнительскому и педагогическому наследию Гинзбурга, столь ценному, сколь, к сожалению, и мало востребованному.

Доцент Рустам Шайхутдинов, руководитель конференции

НОТЫ

ВЫШЕЛ В СВЕТ

....первый выпуск нотного сборника «Органная музыка современных московских композиторов» (редактор-составитель М. В. Воинова, М., 2002. тираж 300 экз.). Это издание осуществлено Московской консерваторией и восполнило пробел в прерванной последним десятилетием традиции музыкальных антологий. Знаменитая серия «Советская органная музыка», начатая в 1965 году, к сожалению, перестала существовать в начале 90-х.

Предысторией настоящего издания был сборник «Органные сочинения молодых московских композиторов» (1998), которым продолжился проект «Органная музыка XX века» (с 2000 года — «Современная органная музыка»). В рамках его уже прозвучало более 60 сочинений современных композиторов и состоялся ряд органных премьер молодых столичных авторов.

В сборник 2002 года вошли органные сочинения московских композиторов различных творческих направлений и поколений: Олега Янченко, Альберта Лемана, Николая Сидельникова, Дмитрия Дианова, Марины Воиновой и Антона Ровнера. Также представлены сведения об авторах и произведениях на русском и английском языках. Издание посвящено памяти выдающегося отечественного органиста и композитора, профессора Московской консерватории О. Г. Янченко.

13 мая 2003 года состоялась презентация сборника в Конференц-зале консерватории и органный концерт в Малом зале. На вечере прозвучала как музыка современных классиков (С. Губайдулиной, Ю. Буцко, О Янченко), так и молодых представителей московской композиторской школы (К.Уманского, Е. Бутузовой, С. Дмитриева, проживающего сейчас в Швеции, А. Райхельсона и автора этих строк), очень по-разному раскрывающих специфику органа.

Преподаватель М.В.Воинова, художественный руководитель проекта «Современная органная музыка»

При перепечатке ссылка обязательна

Адрес: 103871 Москва ул. Б.Никитская, 13. E-mail: rio@mosconsv.ru
Интернет: http://www.mosconsv.ru/rus/newspaper

Главный редактор проф. Т.А.Курышева
Редактор С.В.Наборщикова
Оригинал-макет: Д.О.Чехович
Верстка: 20.11.2003
Тираж 300 экз.